

от мирных граждан. Таковы впрочем и другие изданные: „Parlement de la Seine“. Искусственные цветы очень много, но все они подобраны с замечательным, часто парижским вкусом и изяществом. Все же ввиду так много, что перечислить их трудно. Все они поражают громадой величиной. Это объясняется просто: во Франции вика во время по-

девать часов вечера они были пригласены от французского посольства особой комиссией, состоявшей из В. Комарова, А. С. Суворина, О. К. Ноткина и д-ра Гезелиуса, в присутствии прибывших из Петербурга корреспондентов французских газет и представителей русских редакций. Вновь был торжественно перевезен из посольства в Петропавловский собор в колесках, запряженных

не покидали Монарха; вместо того чтобы жаловаться на страдания и искать утешения у других, Государь Император Сам утешал Своих близких. Едва ли в это время Больной опомился из оценок своего положения, и тем более достойно удивления та твердость, с какою Император Александр Третий ожидал приближения кончины.

Первый боленец, выписанный в 9 часов, указывал на чрезвычайно опасное положение Больного. Дыхание было затруднено, деятельность сердца быстро ослабевала. Второй боленец звучал еще безотраднее. Больной находился в полном сознании, но деятельность сердца падала и падала, и дыхание становилось все более затруднительным. Из рассказов известно, что Император всю ночь не смыкал глаз, хотя и прилегал к вечеру на постель.

Рано утром, раньше обыкновенного, Он нежелал встать и попросил проводить Его к креслу. В последние минуты жизни Он думал о России и шептал, чтобы заниматься! Только ближайшим известием, что Государь писал за столом. Дыхание становилось все труднее, и все чаще и чаще приходилось прибегать к помощи кислороду. В семь часов Государь приказал позвать Нему Наследника Цесаревича и около часа беседовал с Ним внах, после чего повелел позвать других Детей Своих и послать за отцом Иоанном (Кронштадтским), который проживал у настоятеля большой Ливадийской церкви, архимандрита Епифания. Августейший Больной около часа оставался на кругу Своей Семьи и, держа руку Государыни Императрицы, сердечно говорил с каждым из Детей Своих, а когда явился о. Иоанн, благословил Своих Детей. С этих пор Императрица и Дети уже не покидали комнаты Больного Родителя (во втором этаже Малого дворца, рядом с кабинетом Государыни Императрицы). По желанию Государя Императора, по доверенности приглашенные другие Великие Князья и Княгини и соборы из соседней комнаты.

В десятом часу отец Иоанн позвал в дворец, чтобы отправиться в Оранжерею служить Литургию. После отъезда отца Иоанна, прибыв по Дворец протопресвитер Ямшев, и Государь Император, находившийся все время в полном сознании, причастился Святых Таин.

В одиннадцатый час положение Больного сделалось особенно трудным, и казалось, что роковая минута приближалась, но крепкий организм Царя Богатыря еще раз восторжествовал над злым недугом, и Его Величество почувствовало некоторое облегчение. Поддерживая его времени со стороны силы выдохнули кислород, Император каждому из присутствовавших Великих Князей и каждой Великой Княгини сказал прощальное слово и утешал Родных. Силы постепенно слабели, все чаще и чаще голова Государя склонялась для отдыха на плечо Государыни Императрицы, сидевшей по правую руку Государя, поддерживая Его левую рукой. За креслом стояли Наследник Цесаревич и Его Высочайшие

Невеста, вокруг Них другие Особы Царской Семьи.

В Ливадийском дворце полнейшая тишина, не слышно было никаких разговоров, не слышно было стука проезжающих экипажей. Через несколько минут после двух часов, приближавший курьер принесет третий боленец, — но было уже поздно: едва он перешагнул боленец, как пронеслась роковая весть, — Его Величество Император Александр Третий в Возв пошел!

Почти до последнего дыхания Государь находился в полном сознании и ослабевшим голосом разговаривал с окружающими, находя для каждого ласковое слово. За три минуты до кончины видно было, что Государь желал еще что-то сказать и произнес, обращаясь к профессору Лейдену, сидевшему за ближайшим пульсом: „кислороду!“ Но прежде чем Лейден успел исполнить желание умирающего, Государь Император, поддерживаемый за плечо Наследником Цесаревичем, склонил свою голову на левое плечо Государыни Императрицы и испустил последний вздох.

Государь умер, как говорилось в официальном сообщении, из рук Императрицы и Наследника Цесаревича. Личная рука Почившего покоилась на кресте, правая находилась в руках Государыни, которая не покидала своего места, пока ее Детей Своих и послать за отцом Иоанном (Кронштадтским), который проживал у настоятеля большой Ливадийской церкви, архимандрита Епифания. Августейший Больной около часа оставался на кругу Своей Семьи и, держа руку Государыни Императрицы, сердечно говорил с каждым из Детей Своих, а когда явился о. Иоанн, благословил Своих Детей. С этих пор Императрица и Дети уже не покидали комнаты Больного Родителя (во втором этаже Малого дворца, рядом с кабинетом Государыни Императрицы). По желанию Государя Императора, по доверенности приглашенные другие Великие Князья и Княгини и соборы из соседней комнаты.

В десятом часу отец Иоанн позвал в дворец, чтобы отправиться в Оранжерею служить Литургию. После отъезда отца Иоанна, прибыв по Дворец протопресвитер Ямшев, и Государь Император, находившийся все время в полном сознании, причастился Святых Таин.

В одиннадцатый час положение Больного сделалось особенно трудным, и казалось, что роковая минута приближалась, но крепкий организм Царя Богатыря еще раз восторжествовал над злым недугом, и Его Величество почувствовало некоторое облегчение. Поддерживая его времени со стороны силы выдохнули кислород, Император каждому из присутствовавших Великих Князей и каждой Великой Княгини сказал прощальное слово и утешал Родных. Силы постепенно слабели, все чаще и чаще голова Государя склонялась для отдыха на плечо Государыни Императрицы, сидевшей по правую руку Государя, поддерживая Его левую рукой. За креслом стояли Наследник Цесаревич и Его Высочайшие

Его Величества конвой. Первыми приехали присягу Великие Князья из Наследником Цесаревичем Великим Князем Георгием Александровичем. Все Великие Князья были в полной парадной форме, без шляп, и только Наследник Цесаревич, ввиду холодной погоды, наставшей после утреннего дождя, имел сверху мундира шинель. По прочтении протопресвитером Ямшевым Высочайшего Манифеста и формальной присяги, первым подошел к Ст. Евангелию Наследник Цесаревич, а за ним другие Великие Князья. Тотчас после них принесли присягу первые чины Двора и свита.

Император Александр III по отзыву иностранца.

В одном из последних номеров „Моск. Вѣд.“ — приведены любопытные факты из жизни англичанина Стюда „Правда о России“. Факты эти касаются личности жившего Императора Александра III, и представляют громадный интерес, как отзыв „англичанина, радикала и нон конформиста“ (протестанта), не могшего смотреть на Россию и ее самодержавие глазами „москвиты, вращающегося в Царя и Восточную Греко-Российскую Церковь“. И тем не менее, какою симпатичною является в описании этого „радикала“ личность покойного Царя Мартордора!

Во время пребывания в Студе в России его особенно поражаля фактически единение между Царем и Его народом. При жизни покойного Государя, всякий русский подданный, даже тяжелейший преступник, мог обратиться к Его Величеству с просьбой, в уверенности, что эта просьба будет принята и рассмотрена самим Государем. Почивший Государь смотрел на это право, как на существенную принадлежность самодержавия. Множество всеподданнейших прошений, конечно, отнимали у него очень много времени. Граф Д. Толстой поэтому расписывал однажды, рассказывая Студу, предлагая Государю, чтобы, для некоторой экономии времени, всеподданнейшие прошения направлялись министру внутренних дел, но на это Государь не согласился. Конечно, невозможно осуществить право обращения к Царю иначе как письменно. Но за то — все прошения Государю, опущенные в почтовый ящик, неизменно Ему доставлялись. Г. Студ рассказывал, один раз обратившись к нему, как к англичанину, прощаясь с ним, он сказал: „Я отправляю свое письмо к Царю, и оно будет доставлено к Царю, и я буду уверен, что оно будет рассмотрено“.

Вот что говорил Студ, рассказывая об этом. Как-то англичанин, прощаясь с ним, он сказал: „Я отправляю свое письмо к Царю, и оно будет доставлено к Царю, и я буду уверен, что оно будет рассмотрено“.

леие материнской заботливости своей соотечественницы и ее доброты к Русскому Царю

„Глубокая внутренняя связь Царя с народом, говорит г. Студ, еще больше увеличивается личными качествами Императора. В России говорят, что Он — из русских самый русский человек. Однако, замечательный. Студ, Он из всех русских наиболее напоминает чисто-английского джентельмена. Его характер автор высказывает сравнением с различными выдающимися деятелями своего отечества. Император отличался глубоким природною религиозностью. Это как бы основной фонд Его души. В отношении интеллектуальном Он представлял ум несклонный к отвлеченностям, но солидный, здоровый и практический. Он не любил загадывать вперед, в отдаленное будущее, но когда возникала какой-либо вопрос, Он вносил в его обсуждение глубокий здравый смысл и строжайшую добросовестность. Это ум человека честного, который в каждом деле прежде всего старается понять, чего требуют справедливость и, уяснив себе это, уже без всяких отступлений, пусть только ее поддерживает“.

Император придерживался принципа: „доблесть дня злоба его“. Он старался приложить все силы, чтобы понять и исполнить свой долг данного момента, и врил, что силы, необходимые для этого, непременно будут Ему посланы Небом. Он был убежден, что Он сам и все на свете находится в руках Бога, который один проводит конец пачаний наших, и всегда найдет пригодный орудия для исполнения того, что в воле Божией, и в тот момент когда это угодно Богу. Это молчаливое, но глубокое убеждение особенно возросло у Императора в последние годы. В молодости, когда Он и не думал о трою, для которого так тщательно подготовился ибжею любимым Им старший брат, Он отличался живым и пылким темпераментом, но по кончине брата, когда около Него светилась тень великой ответственности, Он стал все глубже проникаться сознанием другого, великого мира, который невидимо нас окружает и каждую минуту может поглотить нас. Обострившись, с продолжением воспоминаний Его на трон, также не могли быть забыты Императором. Он знал, что и Сам Он человек смертный, но заботясь и невольно трудились над исполнением своего долга.

Вообще Император был чужд каких-либо оптимистических взглядов на жизнь. Однажды, рассказывая, один из близких Ему людей с увлечением рассказывал, как много Он изменил в мире, по новому и улучшенному образу, если бы не было в нас власти. Государь слушал молча эти мечтания и потом сказал: „Я думаю не так, Господь, конечно, лучше знает, как устроить мир“.

Замечание характернейшее для серьезно мыслящего ума, ежедневно выходящего пера рифмичных проблем жизни.

Однако, Император все не мог забыть показанным временем проя-

разие укрывать его баснями страсти, суждений, причисл почти казалась из них, при появлении своем, возбуждала внимание публики и делалась предметом общих толков.

Повидимому не принимавший никакого участия в происходивших вокруг него событиях, заботившийся только о собственном покое, баснописец, однако, сдвигая за эти события; отвечал на запросы своего времени, отказывая на них свои баснями. Лобанов, Плетнев, Гоголь, Булгаков уверяют, что почти каждая оригинальная басня его была вызвана каким-нибудь современным общественным явлением, что каждая из них рождалась какой-либо вопрос, занимавший ум его современников. Действительно, одна из наиболее распространенных басен того времени — „заячичество“ — служила темой для целого ряда басен, в которых описывается этот порок. Басня „Исцеление“ направлена против сильно распространенной в то время галломании, против людей, боготворивших Европу, думавших, что там, там прямо рай! Целый ряд басен направлен против разбогатевших и завладевших откупничком, против ложных понятий о воспитании, несправедливостей разного рода, против неважно, враждебно относившихся к просвещению. События 1812 года также оставили свой след в баснях Крылова. „Щука и Кот“, например, очень ясно намекает на неудачную деятельность и потери при Березин адмирала Чичагова. Многие басни основаны своим происхождением на курьезных обстоятельствах. Известная „Демьянова уха“ написана была Крыловым после того, как ему страшно надобно случился засиделся в „Бесѣдѣ любительской“ русского слова, на которых он, будучи человеком, нервно присутствовал. Басня „Квартет“ направлена против членов той же „Бесѣды“.

Таким образом, басни Крылова не мало материала для характеристики современного ему общества. Все они оказали в свое время не мало пользы русскому обществу. Он арко ставили на вид русским людям темные стороны их жизни, принуждали думать об исправлении своих недостатков.

его тяжкого долга. Он нес этот подавляющий груз прямо и смело, добродушно, с ясным взглядом и открытым лицом человека, умевшего среди всех государственных забот сохранить детскую чистоту сердца. Все Его знание, судно, было совершенно свободным от какой-либо раздражительности или подличающего бездельничества. Для него несомненно было в этой в Провидении. Не по Своему желанию или выбору поставил Он на Свои тяжелейшие посты, с которого может быть унесен только смертью. И по из уклонения не последовало. Он будет исполнять долг, часто с искренним убеждением, что выше сил Его, но точно также убежденный, что Его долг исполнить возложенное служение настолько хорошо, как только хватит сил, а остальное — в воле Божией. Если Он прилагает все усилия, — то Он, стало быть, исполнил обязанность, успешнее же зависит не от людей. Вот взгляд, который давал ему самоопределение. Казалось ли, что заговорили извистники, или нитри иностранные державы, или забота внутреннего правления, — все это для Него было лишь „долой дня“, с которой Он справится, насколько Ему дано, никогда не теряя хладнокровия философа и спокойной ясности духа христианина.

Вообще Император человек высшей степени здоровый: это воплощенное mens sana in corpore sano. У Него не было ничего нервного, суетливого. Привычки жизни его правильные. Утром Он читал корреспонденцию и принимал министров. Вечером Он завтракал с Супругой и Детями. В 4 часа 4/2, по исправлении различных государственных дел, Он любил побродить с Детями по лесу. Иногда, для отдыха, Он рубил дрова, но, в отличие от Гайдара, любил также распилывать бревна в длину, в значе же время помогал расчищать снег на задних горках. Он отличался чрезвычайною домовитостью и любил проводить минуты отдыха в семейном кругу, у Себя дома, или у родных в Конюшенном. Семейно буквально обожало Его, а служащие рассказывают, что похаживали Его постоянной добротой и несправедливости. Он — суровый, ридный безупречности, и великий отец, друг Детей Своих. В Конюшенном маленьким принцем и принцессами, английскими, греческими, русскими, любил тоной окружать своего „Дядю Саму“, который добродушно импровизировал их игры. Тут со всех сторон только и слышалось: „Дядя Саму, Дядя Саму!“ Веселая тогда однажды выдала игру: „Дядя Саму“ должен был стоить неподвижно, а дети все толпой устремлялись на Него, чтобы толкнуть его. Он с улыбкой говорил: „Я думаю не так, Господь, конечно, лучше знает, как устроить мир“.

Эта светлая картинка детской игры в Конюшенном, говорит Студ, напоминает нам образ Императора в великих политических делах. Его никогда не соблазнили с позиции. Он медлил начинать действитель-

хороших процессов носить на руках; потому из там старались делать как можно эффективнее и валили для окружающей публики. Убогие, предназначенные для перевезения в экипажах, делаются по плану фасону. Вновь от французской прессы — артистическое и художественное скульптурное произведение. Молодая, полная движения и сил женщины с пером и книгой в руках — Пресса только, что селась на землю и еда успела коснуться земного шара одной ногой. Во всей позе видна легкость и стремление к полету, это доводится и мощными красивыми крыльями. На полусфере, на которой покоится наша пресса, начертано „Alexandre III“. Фигуру Прессы окружают слова и слова дубовым и оловянным шрифтом с пазами (железы и оловяны). Внизу от переплетения летит с словами: „A la memoire d'Alexandre III la presse française. Nov. 1894“. Вся эта грациозная группа находится на нескладчат из черной мармори и так и просится в какой-нибудь музей скульптурных произведений. Во второй извистный во Франции скульптор Фальер. Эту скульптурную группу можно по всей справедливости отнести к числу лучших произведений подопытий на гроб покойного Императора. Другой вновь тоже от печати прислан „Синдикатом Марсельской прессы“. Выходил больше пятидесяти.

В десяти с половиною часов вечера вновь от французской прессы был возложен на гроб в Возв покойного Государя Императора. В

был внесен в руках членами комиссии в храм, и установлен на табурет у правой колонны, рядом с вновь от президента французской республики.

Петропавловский собор весь занят людьми, которые в несколько рядов установлены у ризницы перед иконостасом, окружают внутреннюю колонну и кроме того размещаются по колоннам вверх, до половины их высоты по траурному убранству и по стенам храма в промежутках между окон. Число входов — громадное.

Последние дни жизни в Возв почившего Государя Императора.

Упадок сил Государя, замеченный 17-го октября, продолжался увеличиваться и в следующие дни, и уже вечерний боленец 19 октября произвел удручающее впечатление. Не оставалось никакого сомнения, что положение дорогого Больного заставит ожидать катастрофы, и что, быть может, ему суждено провести последние часы в одиночестве. Рассказывали, что дыхание Больного затруднено в чрезвычайной степени и облегчается только применением кислорода. Уже в продолжение 19 го приходилось неоднократно прибегать к этому средству. Неизбежно, однако, на страдания, великий Труднейший земли русской неоподобно начался заниматься делами; но силы уже изменили ему, и он уже не мог больше заниматься делами. Но твердость и бодрость попрежнему

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Биографический очерк.

Сегодня, 9-го ноября, исполнилось пятьдесят лет со дня смерти величайшего из русских баснописцев, Ивана Андреевича Крылова.

Крылов родился 2-го февраля 1768 года в Москве. Отец его, Андрей Прохорович, был армейским офицером. Первые годы своей жизни И. А. провел в Оренбурге, был свидетелем Пугачевского бунта, по окончании которого переехал вместе с семьей в Тверь. Потеряв вскоре после этого отца, он остался на попечение матери, которая дала ему первоначальное образование. Благодаря крайней нужде, Крылов в 14 лет принужден был поступить на службу писцом в Калужский уездный суд, а впоследствии, по переезде в Петербург, служил в казенной палате.

В двадцать лет Крылов остался уже круглым сиротой и должен был рассчитывать только на свои силы.

Стараясь в литературе у Крылова начала проявляться рано: на пятнадцатом году он, ознакомившись с теорией Буало и образами Расина, написал свое первое произведение — „Койнуницу“, которую один биограф называл комедией, а другие — оперой.

По приезде в Петербург Крылов отправился к книгопродавцу Брейтшнейду и предложил ему купить свое произведение. Тот согласился и заплатил за рукопись 60 рублей. Такой успех превзошел ожидания автора. Отказавшись от денег, он взял в счет гонорара несколько книг, между прочим, Буало и Расина. Обогатившись успехом, он принялся за трагедию „Клеопатра“.

По окончании, она была забракована известными актерами Дмитриевским, на суд которого отдал Крылов эту пьесу, равно как и другая трагедия Крылова „Филомела“. Также неудачны были и другие попытки Крылова в драматическом роде. Тем не менее он добился постановки своих пьес на сцене. С театром, однако, он должен был расстаться после инцидента из-за его пьесы „Поканники“, в которой он осмелился

Кожанова и его жену под именами Рифмограда и Тараторы.

Порвав свои связи с театром, Крылов обратился к сатири. Собираясь с содержанием биографии Рахманиновым, он вместе с ним начал издавать сатирический журнал „Почта духов“, в котором 20-летний юноша Крылов начал громить неважные заимствования у французского, падение нравов, разорительные моды, возмущение, нелепое воспитание и вредные вольтерьянские идеи.

После прекращения „Почты духов“ Крылов предпринял издание сатирического журнала „Зritel“, в котором выказал себя таким же сторонником гуманности и просвещения, как и прежде в баснях.

„Речь в память моему дядю“, помещенная в этом журнале, является прекрасным публицистическим памфлетом, направленным против крепостного права и злоупотреблений политической власти. Не просуществовав и года, „Зritel“ был прекращен и вместе с ним Крылов начал издавать „С.-Петербургский Меркурий“.

В этом журнале, кроме сатирических произведений, Крылов помещал много стихотворений, даже од, над которыми раньше смейся.

В 1794 году Крылов неожиданно бросает невыгодное журнальное дело и уезжает в имение князя С. Ф. Голицына, в Киевскую губернию, где начинает давать уроки сыновьям князя. Здесь он писал стихи, воспитывая сельскую тишину и уединение, и снова принимался за комедию. Но роскошная обстановка лавдила его также и на другого рода мысли. Он не мог забыть печального положения народа, страдающего под гнетом помещикового произвола. В одном стихотворении этого времени он писал, что роскошь... в хрустальных своих нежна раздает, что, в ее бокалах, пьются кровавые поты народов, страдающих под гнетом помещикового произвола. В одном стихотворении этого времени он писал, что роскошь... в хрустальных своих нежна раздает, что, в ее бокалах, пьются кровавые поты народов, страдающих под гнетом помещикового произвола.

Последняя свидетельствует о пьес, которых перевернул, происшедшем в это время в Крылов, который старался отстоять от подражания французским образцам. Лучшими

еврейский и арабский. Иностранцы считали так же, как и русские, чуждыми достоинством таланта Крылова, но никогда поколение гению нашего баснописца не доходило до такой торжественности, как в начале двадцатых годов во Франции. В это время жил в Париже граф Орлов, в дом которого собирались сильные французской науки и литературы. Однажды, когда разговор коснулся русской литературы и выражено было сожаление о том, что во Франции так мало знакомы с произведениями русской поэзии и прозы, графиня Орлова обратила внимание гостей на басни Крылова и показала им перевод их на французский язык. Предложение было принято, и все извистившие писатели того времени были приглашены принять участие в этом деле. Издание было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всего басен переведено было 89. Надобно признаться, что это не только не перело, но часто и не подражание, а новые басни, для которых Крылов приготовил темы: по крайней мере большая часть их заставляет так думать.

Русская простота, им, повидимому, не понятая. Тем не менее торжество таланта Крылова было полное. Крылов в своих баснях является вполне оригинальным и не подражаемым писателем, не только по мысли, но и по форме — по языку, отбрасывая которого рьятельно неуживчив для передачи на какой-нибудь другой язык. Он несравненно ближе оригинальному баснописцу, чем Лафонтен, который не выдумал ни одной своей собственной басни и, не смотря на то, совершенно справедливо считается поэтом оригинальным, так-так, заимствуя у других вымыслы, он и в кого не заимствовал преступа и простоты своего рассказа. Огромное большинство басен Крылова — оригинальные. Из 324 басен, написанных им, только 56 заимствованы у иностранцев.

Слова Крылова, как баснописца, росла с каждым годом написанным басен. Многие из них, еще до напечатания, читались им самим в частных собраниях, при Дворе, или в литературных обществах, после чего тотчас расходились по рукам в тысячах списков. Журналисты наперерыв ста-

Памяти И. А. Крылова.

Кто не читал этих чудных басен, Что „дядюшка Крылов“ творил? Кому язык их не был ясен? Кто их на память не учил? В избушке мужика простого, В палатах пышных, в школах всех. Известны „дядюшки Крылова“ Здоровый, шутливый русский смех. Вносил он в басни смысл глубокий И под личинами шутрей Весело обличал пороки И жизнь, и нравственность людей... Вблизил он истину учения Простыми, народными языком. И жизни полной прояснения Кадал зыблительным пером... Все эти „Львы“, „Коты“, „Синички“, „Модонды“, „Щуки“ и „Оры“, „Ворони“, „Волки“ и „Лисы“, „Мартышки“, „Москвы“ и „Осы“, — Все эти образы простые Являют промисх фразы сильнейшей Изображения жизни Людских пороков и страстей... Они живут „герои“ басен И много в нас нашей жизни их? Характер их так прост, так ясен, Что живо виден каждый миг... Пусть все изменится, пусть снова Весело сотни лет пройдут, Но басни „дядюшки Крылова“ Вечно будут переживут!

Василий Иванов.
9-го ноября 1894 г.
Харьков.

1885	95	99,143	913,69
1886	108	126,706	1112,72
1887	104	111,806	999,11
1888	98	97,732	926,84
1889	92	91,582	907,48
1890	85	83,524	714,85
1891	68	45,588	423,61
1892	66	54,110	460,78
1893	60	36,598	335,9
Всего за 10 лѣтъ.	860	840,496	7550,59

Показывая же было только два десятка въ 1888 году съ убыткомъ въ 15 р. руб. 33 коп. и другой въ 1890 г. съ убыткомъ въ 200 рублей.*

* Во дворѣ Сушковой, лѣтний, въ дворѣ

Годы.	Число за- страхо- ванных дворов.	Общая сум- ма страхо- вой оптики	Сумма по- луч. стра- хового премия.
		Рубл.	Руб. К.
1884	84	93,707	856 41
1885	95	99,143	915 69
1886	108	126,706	1112 72
1887	104	111,806	999 11
1888	98	97,732	926 84
1889	92	91,582	807 48
1890	85	83,524	714 85
1891	68	45,588	423 61
1892	66	54,110	460 73
1893	60	36,598	335 9

